

**Ирина Владимировна Гюббенет (1939–2018):
человек, ученый, педагог, переводчик**

**Irina Vladimirovna Giubbenet (1939–2018):
Scholar, Teacher, Translator**

22 августа 2018 г. скоропостижно скончалась Ирина Владимировна Гюббенет – старейший сотрудник кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент, воспитавшая несколько поколений ученых-филологов и преподавателей английского языка. Уход Ирины Владимировны тяжело переживают все те, кому посчастливилось общаться с этим удивительным человеком – носительницей высшей филологической культуры, обладавшей феноменальной начитанностью, острым умом и редким профессиональным чутьем. Для тех, кто общался с Ириной Владимировной лично и был в состоянии оценить ее человеческие и профессиональные качества, эта утрата особенно тягостна. Нижеследующее ни в коей мере не претендует на статус исчерпывающего портрета Ирины Владимировны Гюббенет, но лишь содержит описание некоторых аспектов жизни, научного творчества, педагогической и переводческой деятельности этого разностороннего человека.

Ирина Владимировна Гюббенет родилась 5 января 1939 г. в Москве в семье служащих, Владимира Васильевича Гюббенета (1909–1944) и Ариадны Васильевны Саловой (1904–1994), и была их единственным ребенком. Ариадна Васильевна в течение нескольких десятилетий до и после замужества работала в должности техника-инвентаризатора в подмосковном Пушкинском БТИ (в то время – «Бюро инвентаризации земель и строений Пушкинского райсовета в гор. Пушкино»). Владимир Васильевич Гюббенет был инженером-строителем, в первые же месяцы Великой Отечественной войны он оказался в качестве воентехника 2-го ранга на фронте в составе 102-го отдельного Дорожно-эксплуатационного батальона и находился в действующей армии вплоть до своей гибели 20 июля 1944 г.; 17 августа 1944 г. старший техник-лейтенант В.В. Гюббенет был посмертно награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени. В год смерти отца маленькой Ирине было всего 5 лет, и детская память могла не сохранить его образа, но на самом деле дочь навсегда запомнила отцовские руки и любящий, глубокий, немного грустный взгляд. Этот образ Ирина бережно хранила в памяти всю свою долгую жизнь и в особенно тяжелые минуты неизменно мысленно обращалась к отцу за поддержкой. Дочернюю любовь она проявила помимо всего прочего тем, что сохранила его фамилию, хотя судьба Ирины Владимировны Саловой, пожелай она в свое время носить фамилию матери, была бы беспримерно легче – по крайней мере, в первые несколько десятилетий ее жизни.

С началом войны и даже после мобилизации Владимира Васильевича семья в эвакуацию не поехала. Все военные годы они прожили в двух комнатах коммунальной квартиры на нынешней Мясницкой улице (тогда – улица Кирова). Види-

мо, для Ариадны Васильевны пребывание в Москве, ежедневно подвергавшейся бомбежкам гитлеровской авиации, оказалось единственной возможностью хотя бы изредка видетсья с горячо любимым мужем во время его краткосрочных отпусков: в более отдаленные районы страны, куда обычно эвакуировали москвичей, Владимир Васильевич мог просто не добраться. Благодаря этому маленькая Ирина запомнила отца не как трехлетний ребенок, но как пятилетний. Плата за отчетливость воспоминаний оказалась жестокой: одна из многочисленных бомбежек настолько напугала девочку, что она замолчала на несколько лет – не могла произнести ни слова.

Травматический опыт военных лет, гибель отца, изматывающая и минимально оплачиваемая трудовая деятельность матери сочетались с проживанием в одной квартире в соседних комнатах с бабушкой по материнской линии и ее вторым мужем. Женщина капризная и властная, бабушка с ранних лет стремилась привить внучке – для обеспечения собственного комфорта и постоянного внимания со стороны близких – чувство глобальной неизбежной вины, в чем значительно преуспела. По своему внутреннему ощущению Ирина Владимировна всегда и всем была что-то должна и ничего не была достойна, она действовала согласно этой установке и потому основательно от жизни и от людей уставала. При этом подобное восприятие себя входило в явное противоречие с реальными достижениями Ирины Владимировны и с готовностью окружающих ее любить и ценить. Как у каждого неуверенного в себе человека, у Ирины Владимировны было четкое ощущение, что любят и ценят ее по недоразумению и что ее немедленно оставят друзья и близкие, если разберутся в том, «кто она есть на самом деле». На преодоление этих психологических проблем у Ирины Владимировны ушел не один десяток лет, и лишь в последние годы она смогла окончательно освободиться от гнета тягостных воспоминаний и увидеть себя настоящую, поверив, наконец, что любящие и ценящие на самом деле не ошибаются и никогда от нее не отвернутся.

Спасением от удручающих мыслей для Ирины Владимировны с юных лет были книги. Главным образом, русская и зарубежная классика, а также историческая литература. Естественным выбором высшего учебного заведения, где она могла продолжить образование, для отличницы – выпускницы московской школы был филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. И тут пришла пора расплачиваться за выбор отцовской фамилии: на филологический факультет, каждый год недобирая один или несколько баллов, И.В. Гюббенет «проваливалась» трижды. В промежутках между попытками поступления девушка работала лаборанткой в химическом институте и еще в какой-то должности в Центре развития ребенка. После третьего провала в 1958 г. Ариадна Васильевна решила обратиться к факультетскому начальству и просить за дочь. Тогдашний декан факультета Роман Михайлович Самарин был настроен благожелательно: он в полной мере оценил тот факт, что к нему на прием пришла вдова орденосного героя войны, и на основе лишь одному ему понятной калькуляции рассудил, что трагическая биография отца «перевешивает» явно непролетарскую фамилию. Р.М. Самарин походя осведомился у Ариадны Васильевны: «А вы из каких Гюббенетов? Из московских или из петербургских?» – и далее пояснил: «Московские Гюббенеты – они хорошие, а вот петербургские нет». Проявив быстроту реакции, Ариадна Васильевна немедленно примкнула к «хорошим московским Гюббенетам» и тем самым обеспечила дочери повышение балла по апелляции и поступление на ве-

чернее отделение – до дневного отделения калькуляции Р.М. Самарина в данном случае не простирались.

Растянувшиеся во времени мытарства с поступлением в высшее учебное заведение из-за фамилии (а сколько еще было аналогичных ситуаций в жизни Ирины Владимировны?) навсегда отбили у нее желание обсуждать семейную историю. Прадеда по материнской линии – Василия Васильевича Салова (1839–1909), видного инженера, профессора, действительного тайного советника, председателя Инженерного совета Министерства путей сообщения в годы правления Александра III и Николая II – Ирина Владимировна еще как-то упоминала, хотя и неизменно «перемещала» его из дворян в купцы. Но о Гюббенетах, и о «плохих», и о «хороших», молчала упорно. Может быть, и не было их – «хороших» в пролетарском понимании – «московских Гюббенетов», и Р.М. Самарин, сам будучи дворянских кровей, на ходу придумал «хорошую» ветвь и тем самым облегчил себе задачу принять дочь героя войны в Московский университет. Возможно, была просто одна большая семья носивших эту фамилию видных российских общественных деятелей, чьим предком был шведский дворянин и майор французской армии Густав фон Гюббенет, перебравшийся в XVIII в. в Прибалтику. Его потомок – подданный российской империи подпоручик Якоб фон Гюббенет, участник войны 1812 года – среди прочих своих детей имел четверых сыновей, так или иначе вошедших в историю царской России. Это были два «киевских» сына: вполне «хороший» Христиан Яковлевич, талантливый врач с международной известностью, профессор Киевского университета, и весьма «проблемный» Борис Яковлевич, киевский полицмейстер. Имелись также два «петербургских» сына: уже предельно «проблемный» Оскар Яковлевич, генерал от инфантерии, член Военного совета Российской империи, и выходящий в плане «проблемности» за все мыслимые рамки Адольф Яковлевич – министр путей сообщения в 1889–1892 гг., сенатор, член Государственного Совета, действительный тайный советник. В поколении внуков Якоба, помимо социально-безобидной актрисы Лидии Борисовны Яворской (дочери киевского полицмейстера), известность снискали как минимум еще две одиозные личности: депутат III Государственной Думы Николай Константинович фон Гюббенет и военный медик тайный советник Виктор Борисович Гюббенет, активный участник Белого движения; оба покинули Россию после 1917 г. и, как и сама Лидия Борисовна, закончили свои дни в эмиграции.

Даже если Владимир Васильевич Гюббенет не был прямым потомком кого-либо из членов этой славной четверки сыновей Якоба фон Гюббенета, в 1930–1950-е гг. память о них была жива и хранилась – в том числе теми, кому по должности было положено помнить высокопоставленных царских чиновников. И потому Ирина Владимировна накрепко усвоила: дальше Владимира Васильевича в обсуждении родословной по отцовской линии заходить не нужно.

Поступление на вечернее отделение филологического факультета – в романо-германскую английскую группу, которую, на счастье Ирины Владимировны, сформировали в этот год – освободило ее от многих потенциальных неприятностей, связанных с непролетарским происхождением, поскольку преподавание в этой группе лично курировала и осуществляла профессор Ольга Сергеевна Ахманова (1908–1991). По материнской линии сама О.С. Ахманова происходила из рода Рюриковичей, и ее ни в коей мере не смущали не рабоче-крестьянские корни юной талантливой студентки. При желании Ольга Сергеевна могла позволить

себе проявление классовой солидарности: на тот момент, благодаря безусловной поддержке ректора МГУ академика И.Г. Петровского и прочим разнообразным социальным связям, профессор Ахманова обладала и на факультете, и в университете непререкаемым авторитетом.

Студенческие годы подарили Ирине Владимировне признание со стороны Ольги Сергеевны, что решительно подняло ее самооценку, хотя и не освободило от всех морально-психологических проблем. Уже с первого курса О.С. Ахманова выделяла юную Ирину как исключительно начитанную, пытливую и прекрасно знающую английский язык студентку. Еще не обремененная огромной аспирантурой и многочисленными докторантами последних двух десятилетий своей жизни, исключительно энергичная Ольга Сергеевна готова была уделить Ирине значительно больше внимания, чем это предусматривается учебными планами, регулирующими стандартные отношения преподавателя и студента. И Ирина Владимировна стала для нее любимой и благодарной ученицей. Ученицей, которая через полтора десятка лет ослушается настоятельной рекомендации О.С. Ахмановой не упоминать ее имя ни в каких документах в качестве научного руководителя при защите Ириной Владимировной кандидатской диссертации, поскольку в то время у самой Ольги Сергеевны возникли серьезные проблемы с «компетентными органами», и это могло негативно повлиять на исход защиты. Глубокая порядочность Ирины Владимировны не позволила ей пойти на подобный шаг, который для нее был равен предательству Учителя и в конечном итоге предательству самой себя.

Училась Ирина только на «отлично». Ей было действительно интересно учиться, она наконец профессионально занималась языками и литературой – предметами, увлекавшими ее с ранних лет жизни, – и имела возможность общаться помимо О.С. Ахмановой и с другими одаренными преподавателями английской кафедры, среди которых Ирина Владимировна впоследствии с особой благодарностью вспоминала Э.М. Медникову и Л.Н. Натан; под научным руководством последней И.В. Гюббенет писала свою дипломную работу. Из преподавателей других кафедр, чьи лекции Ирине Владимировне довелось посещать во время обучения на факультете, она всегда выделяла Сергея Ивановича Радцига и Юрия Борисовича Виппера: благодаря своему высочайшему интеллектуальному уровню и энциклопедизму эти два ученых стали для И.В. Гюббенет источником вдохновения и образцом, к которому следовало стремиться.

К 6-му курсу, последнему году обучения на вечернем отделении, Ирина Владимировна достигла такого уровня, что О.С. Ахманова взяла ее на кафедру и поручила преподавание английского языка на 1-м курсе. С этого момента, с сентября 1963 г., начался 55-летний педагогический путь Ирины Владимировны Гюббенет, органично сочетавшийся с научной и с переводческой деятельностью и прервавшийся только с ее кончиной.

Круг научных интересов И.В. Гюббенет определился очень рано и очень четко и был связан, с одной стороны, с ее любовью к слову, слову отдельному и уникальному, и, с другой стороны, с ее любовью к тексту как совокупности слов, передающих мысли автора в их серьезности или иронической парадоксальности. Эти мысли непременно нужно было постичь – при условии, что они такого постижения заслуживали. Диапазон литературных интересов Ирины Владимировны был чрезвычайно широк: прекрасно зная и принимая – не безусловно – многочисленные серьезные произведения классической литературы, она не чуждалась

и, так сказать, «легких» жанров, – например, современных любовных и детективных романов, – если эти романы были написаны на соответствующем ее высоким стандартам английском языке и содержали заслуживавшие ее внимания жизненные наблюдения авторов. Такие тексты не только будоражили ее воображение, но давали пищу для профессиональных филологических размышлений: ярким тому примером служат работы Ирины Владимировны и ее учеников, посвященные романам Рут Ренделл (1930–2015) в ее двух литературных ипостасях (собственно Ruth Rendell и Barbara Vine) и произведениям другой известной современной английской писательницы, Уэнди Холден (Wendy Holden, 1965 г. рождения; не путать с еще одним популярным автором, носящим то же имя, но 1961 г. рождения).

Занятия И.В. Гюббенет лексикологией и стилистикой стали естественным следствием пронесенной ею через всю жизнь любви к слову, а разработка теории «вертикального контекста» – неизбежным продолжением знакомства с огромным объемом развернутых произведений речи, в первую очередь художественных. Слово и текст в их неразрывном единстве представлены во всех работах Ирины Владимировны, от кандидатской диссертации «Проблема словесной реакции на ситуацию (на материале прилагательных)» (М., 1973), где производится исчерпывающий анализ коннотативного потенциала соответствующих языковых единиц, до монографий «К проблеме понимания литературно-художественного текста» (М.: Издательство Московского университета, 1981) и «Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста» (М.: Издательство Московского университета, 1991; 2-е изд.: М.: Либроком, 2010), развивающих теорию «вертикального контекста» – «объективно заложенной в единице текста историко-филологической информации», для адекватного понимания которой требуется значительный объем фоновых знаний.

Ирина Владимировна не мыслила своей жизни без постоянного обращения к словарям, не только к двуязычным или толковым, но и более специализированным, например к словарям цитат. Многолетняя работа в данном направлении позволила И.В. Гюббенет составить свой собственный уникальный «Учебный словарь цитат из англоязычных авторов» (М.: Издательство Московского университета, 2000; в соавторстве с Лилией Владиленовной Болдыревой) и предоставила материал для ряда статей последних лет жизни, написанных как единолично, так и в соавторстве с Татьяной Львовной Черезовой. Ярким примером такого рода работ является статья «Некоторые проблемы комплексного подхода к лексикографическому исследованию», опубликованная И.В. Гюббенет и Т.Л. Черезовой в 2009 г. в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» (№ 2. С. 130–135). Эти статьи основаны на глубоком знании лексикологии и посвящены сложнейшей лексикографической проблеме – рациональной организации авторского текста толковых словарей английского языка. Неразличение иерархии значений слова, избыточность или недостаточность описания значений, низкое качество иллюстративного материала и включение в него индивидуально-авторских или же фразеологически связанных сочетаний, требующих выделения в особые части словарных статей, – все эти недостатки даже самых авторитетных изданий вызывают справедливую негативную реакцию авторов обсуждаемых работ. Однако только критикой И.В. Гюббенет и Т.Л. Черезова не ограничиваются: исходя из четко сформулированных принципов лексикографического описания материала, они предлагают свои варианты состав-

ления словарных статей, – варианты, которые без преувеличения можно назвать безупречными.

Преподавание английского языка было лишь одной из сторон многообразной деятельности Ирины Владимировны как филолога. На практических занятиях она предпочитала уделять внимание словам – как при обсуждении газетно-публицистических текстов, так и при упражнениях по переводу текстов разных жанров. По разным причинам в ходе своей 55-летней преподавательской работы при рассмотрении такого рода материала сама Ирина Владимировна могла от процесса несколько отстраняться и оставлять студентов более или менее наедине с текстами словарей – в этих случаях занятия становились монотонными. Однако если Ирина Владимировна в дискуссию все же включалась – не только на лексикологическом, но и на общем содержательном уровне (а в последние годы ее жизни это стало постоянной практикой), – занятия проходили весьма живо, и студенты в полной мере могли оценить пользу от общения с этим уникальным знатоком английского языка, европейской истории и европейской литературы. Что же касается работы со студентами, магистрантами и аспирантами в роли научного руководителя, то здесь Ирина Владимировна на всех этапах своей профессиональной деятельности сосредотачивалась в первую очередь на тексте как совокупности составляющих его единиц, и такой подход в полной мере соответствовал идеалу филологического анализа, продуктивному описанию произведений речи в единстве их формы и содержания.

Жизнь преподавателя нередко бывает достаточно однообразной и не дает особой пищи для ума даже при регулярном обновлении обсуждаемого на занятиях материала. От профессиональной усталости спасает чтение специальной литературы и научная работа, если преподаватель имеет к этому склонность. Ирина Владимировна, несомненно, такой способностью обладала, но у нее имелся дополнительный и очень эффективный способ поддержания себя в отличной интеллектуальной форме. Эта была переводческая работа. Устный перевод И.В. Гюббенет осуществляла с поразительной легкостью, но, как и любой высокоинтеллектуальный человек, не могла не раздражаться в тех ситуациях, когда ей приходилось переводить не блестящих умом ораторов, от чего ни один переводчик не застрахован. При переводе письменном, которым Ирина Владимировна интенсивно занималась в течение всей жизни, раздражения можно избежать, если переводчик оставляет за собой право не работать с текстами, вызывающими у него неприятие. И.В. Гюббенет руководствовалась именно таким принципом и потому предпочитала письменный перевод: обладая свободой выбора, она весьма придирчиво относилась к качеству текстов и имела дело исключительно с авторами и с жанрами, которые были ей интересны и которые давали ей что-то и в содержательном, и в языковом плане. «Легкие» жанры привлекали ее в той же мере, что и серьезная историко-биографическая литература, и за свою жизнь Ирина Владимировна перевела более 30 романов современных авторов, а также создала прекрасные русские варианты объемных англоязычных мемуаров княгини Стефании Долгорукой и Сэра Джорджа Бьюкенена; кроме того, были переводы биографий реальных – великая княгиня Ольга Александровна, великий князь Кирилл Владимирович – и возможных представителей российской императорской фамилии – таинственная Анастасия.

Ирина Владимировна прекрасно владела английским языком не только благодаря знакомству с обширнейшей англоязычной литературой и не только благодаря регулярному прослушиванию радиопрограмм BBC и других радиостанций.

В течение нескольких десятилетий своей жизни И.В. Гюббенет имела возможность тесно общаться с иностранными дипломатическими работниками – сотрудниками посольств и их женами. Однажды попав в этот круг в 1960-е гг. через личные связи О.С. Ахмановой, Ирина Владимировна в дальнейшем продолжила самостоятельное общение со многими высококультурными и весьма достойными людьми, что предоставило ей прекрасную возможность совершенствовать свои знания. Эти люди стали ее верными друзьями и впоследствии пришли ей на помощь в самый мрачный период ее жизни. После смерти матери в 1994 г. Ирина Владимировна впала в тяжелую депрессию, и тогда британские друзья пригласили ее провести несколько месяцев в Англии, сделав все возможное для того, чтобы вернуть ее к жизни. Многолетняя жертва собственной низкой самооценки, во время того памятного пребывания в Англии Ирина Владимировна как-то раз спросила у одной из своих подруг: «Зачем Вы это делаете? Зачем стесняете себя, поселив в своем доме человека в таком психологическом состоянии?!» – и получила на этот вопрос короткий ответ: «Похоже, Вы не понимаете, ЧТО Вы можете значить для окружающих».

Ариадна Васильевна умерла, когда Ирине Владимировне было уже 55 лет. Поездка в Англию помогла пережить самые тяжелые дни, но перспективы все равно были мрачными: впереди маячила холодная одинокая старость в маленькой неприютной квартирке в районе метро «Сокол», где они с матерью в итоге оказались после расселения коммуналки на Мясницкой.

Перспективы казались мрачными. Но через несколько лет после смерти матери в жизни И.В. Гюббенет наступил новый, почти двадцатилетний период... расцвета, которого никто – и меньше всех сама Ирина Владимировна – не мог ожидать. Связано это было в первую очередь с обретением ею собственного уютного дома, когда в результате покупки большой квартиры в районе Преображенской площади Ирина Владимировна стала жить вместе с семьей Татьяны Львовны Черезовой – своей бывшей аспирантки, а на тот момент и уже до конца дней самого близкого и дорогого друга, фактически сестры. В последние годы Ирина Владимировна внезапно перестала себя стесняться, она открылась людям и обнаружила, что они готовы безусловно любить и принимать ее. Общение и с коллегами, безмерно уважавшими и ценившими И.В. Гюббенет, и со студентами вышло на новый уровень: Ирина Владимировна перестала заслоняться от людей словарными статьями и начала делиться с окружающими не только эрудицией, но и своим огромным и бесценным жизненным опытом, и дарить им тепло своей так никогда и не составившейся души. Она наконец перестала жить воспоминаниями и находить утешение исключительно в книгах, она смело и безоглядно окунулась в настоящее и позволила себе строить планы на будущее.

Эти невероятные личностные изменения отмечали все, кто знал Ирину Владимировну в течение долгого времени. Не мог не заметить их даже на начальном этапе и автор настоящей статьи – тогда еще просто в качестве младшего коллеги Ирины Владимировны, посвятив ей в 2005 г. пять стихотворений небольшого цикла под названием «Серебристая фея» (см. *Приложение* к настоящей статье).

Первые четыре стихотворения – скорее серьезные, пятое – откровенно хулиганское, но Ирине Владимировне нравились все пять. По ее мнению, они достаточно точно отражали ее богатую натуру, которой были свойственны как серьезность и глубокая эмоциональность, так и изрядная доля хулиганства – не прими-

тивного, но высокоинтеллектуального, в духе любимых ею английских писателей Гектора Хью Манро и П.Дж. Вудхауса.

Автор настоящей статьи знал Ирину Владимировну в течение трех десятилетий, и ему выпало огромное счастье фактически семейного общения с этим удивительным человеком на протяжении последних 15 лет ее жизни. Вскоре после написания «Серебристой феи» общение двух объединенных общими филологическими интересами и разных по возрасту коллег перешло на уровень «Mummy and Sonny». «Mummy» была несокрушима в своей самоотдаче, в деятельной готовности разделить все радости и трудности жизни «Sonny». «Sonny» отвечал взаимностью, хотя сейчас, как это бывает после ухода близкого человека, он понимает, что мог дать и отдать больше.

Сказанное выше лишь малая дань памяти Ирины Владимировны Гюббенет, достойного, чистого и светлого человека, прожившего долгую и сложную жизнь, сумевшего создать и сохранить себя как личность и оставившего после себя богатое и разнообразное наследие, – человека, который продолжает жить в своих трудах, в своих учениках и в благодарной памяти близких.

Андрей Липгарт

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕРЕБРИСТАЯ ФЕЯ

1

Много лет ты себя считала снежной королевой
И на прочие обращения откликалась с трудом.
Вы идете направо? Ну, тогда мне налево –
Вон мой дом под скалою черною, ледяной мой дом.

Тишина в нем застыла хрустальная,
Жутковатая тишина.
И тропинка одинокая дальняя
Мне видна из окна.
И не слышно здесь птичьего щебета,
Не доносится лай собак.
Ни единой звезды на небе,
Тишина и мрак.

Год за годом королева снежная
Обживала свой дом,
В ожидании неизбежного
Позабыв о том,
Что к означенной сказочной героине
Отношения не имеет
И что пристало ей другое имя –
Серебристая добрая фея.

2

Серебристая добрая фея с удивлением смотрится в зеркало,
Изучая в стекле изменения, уловимые явственно.
Раньше зеркало было сеточкой трещин исчеркано,
А теперь оно, словно гладь озерная, светится ровным счастьем
И волшебным покоем. Изумленная фея
Взгляд от зеркала оторвать не в силах.
Неужели это случилось с нею –
То есть с зеркалом это случилось?
А, казалось бы, чему удивляется,
С волшебством регулярно дело имея.
Чудеса и с зеркалами, бывает, случаются,
И кому об этом знать, как не фее?

3

Именины для серебристой феи – праздник вовсе не радужный,
И толпу гостей заменяет ей старый альбом семейный.
Вот она, фея, с родителями, вот она с дедушкой и с бабушкой,
Ну а вот под березою, листья сбросившей, в одиночестве все та же фея.
Ничего, что семейный альбом не богат страницами.
В самом деле, не клеивать же в него первого встречного!

Если фея во что и верит, так это в традиции,
И одна из них – в день именин заглядывать в вечность.

Именины проходят не без легкой горечи.
Званных у феи немного, и столько же избранных.
И сидит себе серебристая фея до глубокой до ночи
И семейный альбом листает сызнова.

4

Но сегодняшний праздник фея отметит слегка по-другому,
То есть, конечно, без шума и плясок – как-нибудь обойдемся без этого.
Фея наденет красивое платье и с любимым семейным альбомом
У морозного сядет окна – слушать музыку ветра.

И впервые на лица родные взглянет без горечи,
И впервые заметит, что за окном ели в нарядах стоят подвенечных.
И впервые далеких от самых близких ей отделить не захочется,
И войдет в ее сердце иная – благая – вечность.

5

Серебристая добрая фея тщательно готовится к выходу в свет.
Навык утрачен не полностью, просто слегка одичала.
Так, перчатки взяла. Не забыть бы еще лорнет.
Носовой платок один или два? Одного, наверное, мало.

Серебристая добрая фея решила посетить городской зоопарк.
Тамошних проведать зверушек – это же так заманчиво.
Припасла и гостинцев –
соевый заменитель рыбы для крокодилицы по кличке Шарк,
Обезьянкам – связку бананов, и, конечно, желудей для кабанчика.

Пусть порадуются твари глупые, им не нужно знать, почему
Разыгралась у феи в кои-то веки зоологическая фантазия.
Именины были на днях у феи, и она, как в старину,
Подкормить захотела убогих и сирых – ради праздника.

Крокодилица обескуражена, но сою употребила в момент.
Обезьянки со стоном чавкают, а кабанчик ладонь благодарно лижет.
Пригодятся платочки. Кто тут зубами клацает? Ну-ка, где мой лорнет?
Крокодилица, брысь от кабанчика, а не то перчаткой по роже бесстыжей!

Проявления хамства раньше выбивали фею из колеи,
А сейчас она на зверинец взирает со спокойной улыбкой.
Крокодилица стыдливо потупила наглые глазки свои.
Значит, не плох был праздничный стол, в том числе и соевая рыбка.

Проявления жизни бывают уродливыми, но чаще смешными и жалкими.
Можно от них навсегда затвориться, можно наглухо в себя уйти.
Серебристая добрая фея вернулась домой и поливает фиалки,
С непривычной нежностью думая о пройденном и о предстоящем пути.